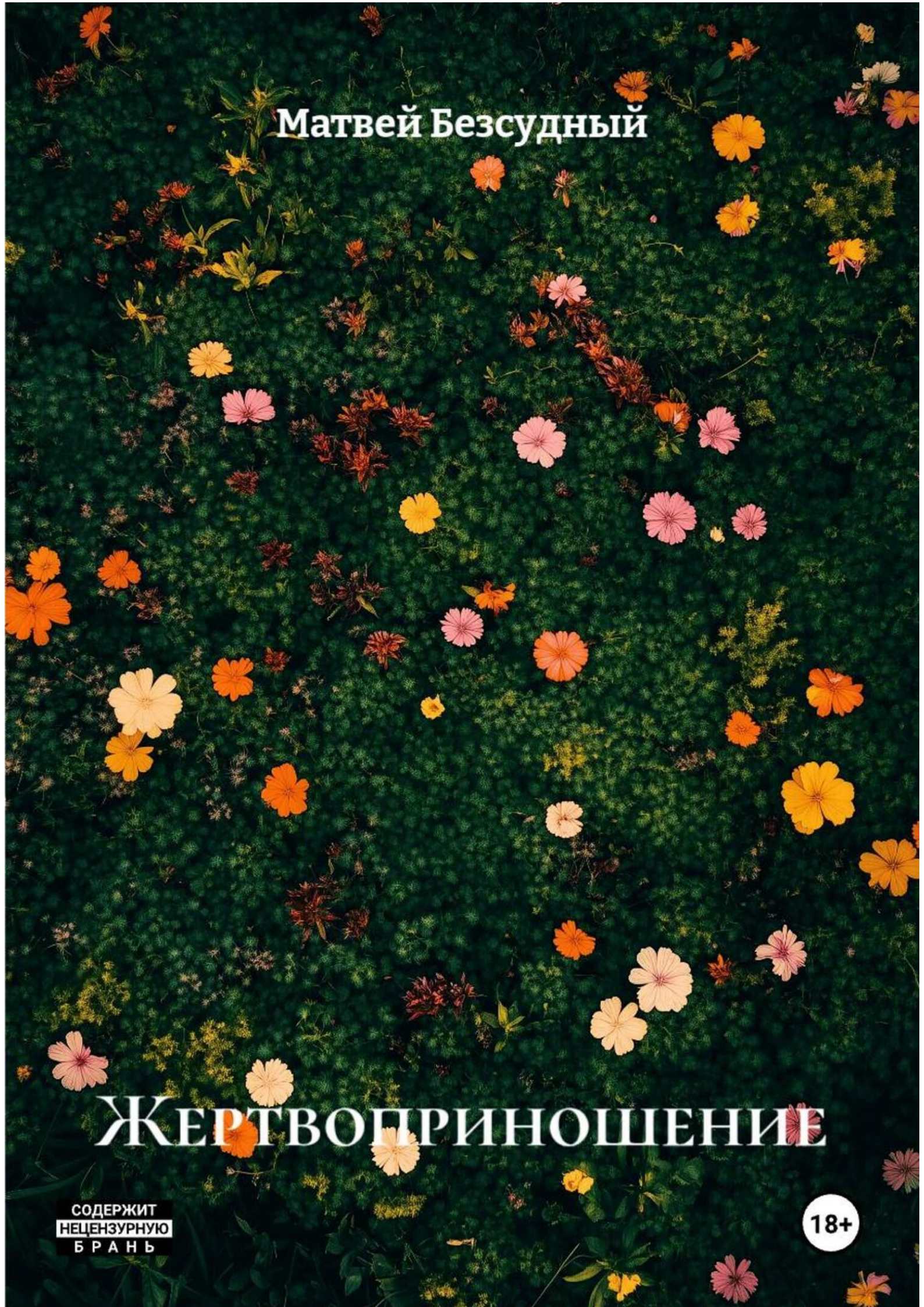
Матвей Безсудный
Жертвоприношение
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Матвей Безсудный

Жертвоприношение

«Автор»
2025

Безсудный М.

Жертвоприношение / М. Безсудный — «Автор», 2025

Двадцать лет спустя после школьного выпускного судьбы одноклассников сталкиваются в смертельной схватке. Бывшие друзья становятся по разные стороны закона и преступного мира. Егор и Сергей, создавшие наркотик «Кагарицин», против капитана полиции Виктории и ее отдела. Против всех — холодный гений Зусенко и безумный художник Дрянов. Город погружается в хаос, где нет правых и виноватых, а старые обиды и предательства ведут к кровавой развязке. Это история о мести, дружбе и цене, которую приходится платить за каждый выбор.

© Безсудный М., 2025
© Автор, 2025

Содержание

ГЛАВА 1: ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК 6
ГЛАВА 3: СТАЛЬНАЯ ЛОГИКА 9
ГЛАВА 4: ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАТ 12
ГЛАВА 6: КОРПОРАЦИЯ ZUSCO. ТОВАР – «ЧЕРНЫЙ ЗУС» 16
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Матвей Безсудный
Жертвоприношение

Жертвоприношение

История о друзьях, одноклассниках и врагах

Матвей Безсудный

Перед тем как читать

Все имена и псевдонимы согласованы с их владельцами. Книга не побуждает к действиям происходящем в ней. В книге присутствует употребление табака, никотина, алкоголя и запрещённых веществ. Помните они несут вред вашему здоровью.

ПРИСУТСТВУЕТ НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА!!!

Приятного чтения

ГЛАВА 1: ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Школьный двор. Воздух пропитан запахом сирени, дешёвого шампанского и бесконечной, немного наивной надеждой.

Матвей Безсудный стоит чуть левее. Он не лезет в центр. Его взгляд спокоен. Он наблюдает. Его прозвище "Мотт" (от Матвей) приклеилось ещё в младших классах и стало своим, почти уважительным.

Егор Пеленев и **Сергей Восютченков** – души компании. Они громко хохочут и щелкая пальцами, пытаются поймать такт из хрипящей колонки. В их глазах – не просто радость, а азарт. Они только что сорвали куш, сдав на "тройки" единственный предмет, который их волновал – химию. Им казалось, что они обвели вокруг пальца всю систему.

Александр Ничков – полная противоположность. Строгий костюм, кудрявая прическа. Он только что произнёс прощальную речь от лица учеников. Он уже сейчас чувствует груз ответственности. Он пытается образумить Егора и Серегу: "Парни, успокойтесь, вас же заметут потом". Они хлопают его по плечу: "Расслабься! Жизнь только начинается!"

Николай Луговой, крепкий и молчаливый, стоит рядом с Саней. Он всегда был тихим. Он не говорит много, но его улыбка широка и искренна. Он кивает Сане, поддерживая его молчаливым одобрением.

Милана Богданова, Алина Тугодумова, Саша Мирова, Женя Смирнова – вихрем носятся по двору, оставляют автографы на белых рубашках пацанов. Их смех – самый звонкий. Они строят планы: кто в институт, кто на курсы, кто сразу работать. Мир кажется им огромным и дружелюбным.

Илья Дрянов и **Александр Зусенко** – спорят о чём-то, жестикулируя. Илья что-то доказывает, тыча пальцем в небо, а Зусенко скептически хмурит брови. Они всегда были на своих волнах, но сегодня и их спор кажется несерьёзным, почти шуточным.

Виктория – скромная, но с цепким взглядом девочка. Она не бесится, а внимательно смотрит на всех, как будто стараясь запечатлеть этот момент навсегда. Она фотографирует на свой старенький "мыльница" фотик.

Общее фото. Все кричат и ликуют от радости. Егор и Сергей поднимают вверх зажатые в руках бутылки с шампанским, как трофеи. Саня и Коля стоят с ними рядом, но их улыбки уже немного натянуты.

Толпа расходится. Группами, по двое, по одному. Обещая созвониться, встретиться, не теряться.

ГЛАВА 2: ХИМИЯ

, ХИМИЯ…

Убогий гараж на окраине города, 20 лет спустя. Воздух пропитан запахом окислившегося металла, бензина и едкими химическими испарениями.

Двадцать лет жизни упакованы в несколько абзацев:

Саня Ничков стал мелким, но принципиальным чиновником в мэрии.

Матвей "Мотт" – владелец частного агентства безопасности. Его бизнес невелик, но клиенты ценят его за невероятную эффективность и абсолютную надежность. Он тот, кто решает проблемы. Кубик Рубика теперь титановый, и он по-прежнему вертит его в руках во время разговоров.

Николай Луговой работает у Мотта главным инструктором. Их дружба только окрепла.

Егор и Сергей – их жизнь не сложилась. Мелкие разовые работы, долги, потрёпанные жизнью лица. Но в их глазах по-прежнему жив азарт двадцатилетней давности.

Матвей и Николай заходят в гараж. Их вызвал взволнованный Саня. В центре – Егор и Сергей, а вокруг них самодельная стеклянная установка, горелки, склянки с разноцветными жидкостями.

– Вы с ума сошли? – первым говорит Саня, снимая пальто и с отвращением глядя на грязный пол. – Это же тюрьмой пахнет! На всю жизнь!

– Нет, Саня, это пахнет деньгами, – Сергей широко улыбается. Его глаза горят. – Большими и быстрыми.

– Выращивать коноплю в гараже? – хмурится Коля. – Это уже прошлый век. Вас накроют в первую же неделю.

– Мы не собираемся ничего выращивать, – вступает Егор. Он берет со стола колбу с мутноватым кристаллическим порошком. – Мы будем это создавать. С нуля. Собственная формула. Дешёвое сырье, высокая маржа.

Мотт, молча наблюдавший, наконец, подает голос.

– Формула? Чья? Твоя, Серега? Ты в школе на контрольной умудрился сжечь спиртовку.

– Я вырос, Мотт! – огрызается Сергей. – Двадцать лет читал, экспериментировал… Это мой шанс. Наш шанс!

Начинается жаркий спор. Саня говорит о рисках, о морали, о том, что они превратятся в уличных отбросов. Коля сулит им физические последствия, когда за ними придут конкуренты. Мотт говорит холодно и по делу:

– Рынок поделен. Новых игроков не любят. Вас либо купят за копейки, либо устранят. Вы не химики, вы – целевая аудитория для некролога.

Но Егор и Сергей не слышат. Они видят только колбу в руках, которая, как им кажется, содержит их билет из нищеты. Они одержимы.

– Нас не остановить, парни, – говорит Сергей, и в его голосе впервые слышится нечто опасное, не ребяческое. – Мы назвали его уже. "**Кагарицин**". От слова "кагарит" – гореть, светиться. Будешь светиться от счастья ну и от старого прозвища Егора – Кагае

Мотт смотрит на них еще секунду, потом резко разворачивается.

– Зря мы сюда пришли. Они уже сделали свой выбор.

– Но мы же друзья! – почти кричит Саня.

– Были, – бросает через плечо Мотт. – Друзья отговаривают. А эти уже мертвецы. Они просто ещё не легли.

Они уходят, оставляя Егора и Сергея в их дымном царстве.

Несколько месяцев спустя:

Серега в дорогом ночном клубе, он заказывает бутылки шампанского толпой незнакомых людей. Его лицо раскраснелось, глаза пусты.

Егор покупает себе огромный, безвкусный внедорожник.

На улицах города появляется новое слово на стенах и в шёпоте дилеров: "Кагарицин". Оно горит неоном в подворотнях.

В кабинете у **Виктории** (теперь капитана полиции) ложат папку с надписью "Наркотик: "Кагарицин". Источник неизвестен". Она изучает фотографии последствий – опустошенные лица, криминальные сводки. Ее лицо серьезно.

Сергей Восютченков стоял на балконе своей новой квартиры с видом на ночной город. В руке он сжимал пачку стодолларовых купюр. Где-то там, внизу, в темноте, горел его гараж, его химическая лаборатория. Теперь у него был целый цех. Где-то там ходили Мотт и Саня, которые так и остались мелкими сошками. Где-то там булькала в колбах формула, которая сделала его богом. Он закинул голову и засмеялся. Смеялся громко, безумно и очень одиноко. Его смех растворялся в городском шуме, но он знал – совсем скоро весь город будет слушать его. Он победил.

ГЛАВА 3: СТАЛЬНАЯ ЛОГИКА

Недорогой, но уютный охотничий домик на окраине города, принадлежащий Николаю. Вечер. За окном трещит костер, внутри пахнет жареным мясом, дымом и мужским разговором.

Четыре мужика сидят за грубым деревянным столом. Пустые бутылки из-под пива соседствуют с поллитром дорогого виски, которая уже наполовину опустела. Настроение сначала было мрачным, но алкоголь и общая компания постепенно делают его задумчивым, откровенным.

Саня Ничков мрачен. Он уже третью минуту молча водит пальцем по ободку стакана. – Я звонил Егору. Он сказал, чтобы я не лез не в свое дело и что он сам разберется со своими «партнерами». Слышите? Партнерами! Они уже не два клоуна в гараже, у них уже структура.

Николай Луговой хмуро переворачивает на сковороде стейк. – Я говорил. Их уже не остановить словами. Остановить можно только силой. Но это не наша сила.

Матвей сидит в кресле, откинув голову. В его руках стакан. Он смотрит на огонь в камине. – Они создали вакуум. На рынке был порядок – грязный, но порядок. Они вломились туда с самодельной дубиной. На них уже охотятся. И когда начнется война, под раздачу попадут все, кто с ними хоть как-то ассоциируется. В том числе и мы. По старой памяти.

Андрей Ничков, старший брат Сани. Человек со спокойным, как у скалы, лицом и руками, привыкшими к тяжелой работе. Он до этого молча слушал, лишь изредка кивая. Он приехал на выходные к брату.

Андрей медленно наливает себе еще виски, делает глоток. Ставит стакан на стол с тихим, но отчетливым стуком, привлекающим всеобщее внимание.

– Вы всё не о том говорите, – его голос низкий, хрипловатый, но в нем нет агрессии. Есть уверенность. Та самая, которой так не хватало всем им в этой ситуации. – Вы говорите о проблеме. А надо говорить о решении. Вы пытаетесь решить вопрос с голыми руками, а на них уже стволы.

Он делает паузу, смотрит на каждого по очереди.

– Я все это видел. Не один раз. Мелкие пацаны, которые решили стать большими. Их сомнут. Это точно. Вопрос в том, кого они потянут за собой на дно. – Он смотрит на Сашу. – Тебя, братан, с твоей карьерой. Тебя, Мотт, с твоим бизнесом. Тебя, Коля, с твоей принципиальностью.

– И какое же решение? – скептически спрашивает Мотт, не отрывая взгляда от огня. – Уйти в глухую оборону?

– Нет, – Андрей качает головой. – Оборона – это путь к проигрышу. Нужно создать альтернативу. Силу, которая будет сильнее их и сильнее тех, кто на них охотится. Чтобы когда начнется бойня, не прятаться, а диктовать условия.

Он затягивается, выпускает дым колечком.

– Вы знаете, чем я занимаюсь все эти годы? Саня в куроделе, но молчит как партизан.

Саня тяжело вздыхает и отводит взгляд.

– Я мелкий чиновник, Андрей. Я не могу знать ничего.

– Я – барон, – говорит Андрей просто, без пафоса, как будто сообщает, что он сантехник. – Не оружейный магнат. Барон. Моя сеть поставляет стволы. Тем, кому нельзя купить их

в магазине. Качественные, надежные, без серийных номеров. От пистолетов до автоматов. Это бизнес. Жесткий, но честный. Там есть правила. В отличие от этого наркотического дурдома.

Воцарилась тишина. Слышно только потрескивание поленьев в камине. Шокированы все, даже Мотт, который, казалось, ко всему готов.

Андрей пьет виски, давая им время осознать.

– Я не предлагаю вам в него войти. Я предлагаю вам крышу. Мою крышу. Если у вас есть стальные яйца, чтобы под ней стоять. Вы хотите их остановить? Для этого нужен вес. У меня он есть. Вы хотите их защитить от самих себя? Для этого нужен рычаг. У меня он есть. Мои партнеры очень не любят, когда кто-то портит воздух на их территории. А ваш город – моя территория.

Первым приходит в себя Коля. Он смотрит на Андрея не с осуждением, а с уважением.

– Ты предлагаешь нам… стать твоей бригадой?

– Я предлагаю вам стать моими партнёрами здесь, – поправляет его Андрей. – Глазами, ушами и, если придётся, кулаками. Саня знает все чиновничьи ходы, Мотт знает всё о безопасности и контроле, ты, Коля, умеешь работать с людьми и знаешь, кто чего стоит на улице. А я знаю рынок и обеспечиваю… аргументы.

Все смотрят на Сашу. Он чиновник. Для него это шаг в пропасть.

Саня зажимает переносицу, потом резко опрокидывает свой стакан.

– Они наши друзья. Бывшие. Но… они сожгут всё к чертям. И себя, и нас. – Он смотрит на брата. – Я не буду пачкать руки. Но я могу быть твоим советником. Говорить, куда можно давить, а куда нельзя.

– Я не собираюсь устраивать войну, – говорит Андрей. – Я собираюсь навести порядок. Хочешь навести порядок – будь готов к войне. Мотт?

Все смотрят на Мотта. Его мнение всегда было решающим.

Мотт наконец отрывает взгляд от огня. Он смотрит на свой стакан, потом медленно поднимает глаза на Андрея. В его взгляде – не осуждение, а холодный, расчётливый интерес. Та же логика, что и в сборе кубика Рубика.

– У Егора и Сереги – химия, которая разрушает разум и порядок, – говорит он тихо. – У тебя – сталь, которая создает иерархию и порядок. Пусть и свой, кривой. Мне порядок нравится больше. – Он делает глоток. – Я не буду торговать стволами. Но я обеспечу безопасность твоих операций здесь. Мои люди, мой опыт. Мы страхуем твой бизнес от внешних углов. И… контролируем угрозу со стороны наших старых друзей.

Он смотрит на Андрея.

– Ты – барон. А мы… мы твои партнёры.

Андрей медленно кивает. Уголки его губ подрагивают в подобии улыбки.

– Значит, договорились.

Коля хлопает ладонью по столу.

– Черт с ним! Лучше уж быть при оружейном бароне, чем трупом в переулке из-за дурости двух придурков! За новую старую гвардию!

Он поднимает стакан. За ним, после секундного колебания, поднимает Саня. Потом Мотт. Андрей чокается с каждым из них по очереди.

В охотничьем домике пахло теперь не только дымом и виски. Теперь в воздухе висело новое, тяжелое и необратимое решение. Они не стали бандитами. Они стали силой. Противовесом хаосу, который несли с собой их бывшие друзья. Саня смотрел на пламя и думал о том, как всего за один вечер он переступил через все свои принципы. Матвей уже мысленно просчитывал риски, кадры и схемы безопасности. А Андрей Ничков, Барон, с удовлетворением смотрел на них. Он не нашел себе солдат. Он обрел себе союзников. Игра только началась, но его ставка на таблице внезапно стала самой весомой. Где-то в городе горел неон "Кагарицина", а здесь, в тишине, родилась стальная тень, готовая его поглотить.

ГЛАВА 4: ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАТ

Кабинет капитана полиции Виктории. Утро. Строго, функционально, ни одной лишней вещи. Папки разложены по стопкам с хирургической точностью. За окном – серый городской пейзаж.

Виктория смотрит на двух женщин, сидящих перед ее столом. Она перебирает в руках их личные дела, но большую часть времени изучает не бумаги, а их лица. Она помнит их с последнего звонка – веселых, беззаботных, смеющихся. Теперь перед ней сидят две взрослые, немного уставшие женщины, в чьих глазах читалась целеустремленность, граничащая с отчаянием.

Саша Мирова одета в деловой, но недорогой костюм. Ее поза собранная, взгляд прямой. После школы она пошла в юриспруденцию, работала помощником следователя, но уперлась в стеклянный потолок без связей и взяток.

Женя Смирнова выглядит более неформально – умные глаза, внимательный взгляд, который замечает детали. Она стала журналисткой-расследователем в небольшой, но принципиальной интернет-газете. Ее карьера тоже застопорилась: громкие расследования упирались в отсутствие официальных данных и доступа к информации.

– Мирова, Смирнова, – Виктория откладывает дела. – Вы знаете, почему вы здесь?

– Подозреваю, что не для ностальгии по одиннадцатому «Б», – парирует Женя. Саша лишь молча кивает.

– Верно, – на лице Виктории не появляется улыбки. – В городе появилась новая зараза. Наркотик «Кагарицин». Он дешевый, он мощный и он… странный. От него не просто кайфуют. От него сходят с ума. Растет число передозировок, параноидальных приступов, немотивированной агрессии. Это не просто наркотик, это социальная гремучая смесь.

Она делает паузу, давая им осознать.

– У меня не хватает рук. У меня есть ветераны, которые видят во всем бытовуху, и молодые ребята, которые гонятся за статистикой. Мне нужны мозги. И мне нужны люди, которые знают этот город не только по протоколам.

Виктория указывает на Женю.

– Смирнова. Ты журналист. Ты умеешь копать, находить связи, видеть то, что не лежит на поверхности. Твои материалы всегда были точны. Мне нужен аналитик и связной с гражданским сектором. Неофициально.

Потом она поворачивается к Саше.

– Мирова. Ты юрист. Ты знаешь все процессуальные нормы, как обойти формальности и в то же время как завалить дело формальностями, если это нужно. Тебе я доверю всю документальную работу. Подготовку ордеров, законность операций, анализ финансовых потоков. У наркоторговцев всегда есть адвокаты. Ты будешь лучше.

Обе женщины замирают. Это шанс. Тот самый, которого они ждали.

– Почему мы? – задает прямой вопрос Саша. – Вы нас помните со школы, но это же не причина.

– Причина в том, – Виктория откидывается на спинку кресла, – что я вас помню хорошо. Я помню, как вы обе выиграли городскую олимпиаду по праву, Смирнова. Я помню, как ты, Мирова, могла переубедить кого угодно на дебатах. Вы умны, амбициозны и вам не хватает

простора. Здесь он будет. И… – она снова становится серьезной, – у этого дела есть личный для меня оттенок.

Она достает из стола старую фотографию с последнего звонка. Указывает пальцем на улыбающихся Егора и Сергея.

– Я почти уверена, что источник этого дерьма – они. Наши одноклассники. Они не просто преступники. Они те самые парни, с которыми мы танцевали на выпускном. И если кто-то должен их остановить, то лучше пусть это будем мы, чем кто-то другой, кому на них вообще плевать.

В кабинете повисает тяжелое молчание. Личный мотив. Это меняет всё.

– Я согласна, – первым нарушает тишину Женя. Ее глаза горят азартом настоящего расследования. – Я знаю, как искать информацию там, где вы не можете официально появиться.

– И я, – кивает Саша. В ее голосе слышна твердость. – Я обеспечу, чтобы их адвокаты не вытащили их на техничности. Они сядут надолго.

– Прекрасно, – Виктория встает, давая понять, что разговор окончен. – Завтра с утра здесь. Оформление будет по стандартному контракту оперативных сотрудников. Но помните: для всех вы здесь просто консультанты. Ваша роль – не афишируется. Особенно перед нашими общими… старыми друзьями.

Когда Саша и Женя выходят из кабинета, их лица выражают не радость, а сосредоточенность. Они только что получили то, чего хотели. Но теперь они понимают истинную цену этого шанса.

Дверь в кабинет капитана закрылась, оставив ее одну. Виктория подошла к окну и посмотрела на улицу, где ее новые сотрудницы садились в свои машины. Она создала не просто группу. Она создала «мстителей в юбках», движимых не только долгом, но и личными мотивами. Это было рискованно. Личные мотивы заставляли работать лучше. Где-то там были Егор и Сергей, создавшие свою империю на крови. Где-то там были Матвей и Саня, выбравшие свою, стальную тень. А теперь и у нее был свой штаб. Тихий, умный и смертельно опасный для тех, кто думал, что школьные друзья их не сдадут. Игра действительно становится интересной.

ГЛАВА 5:
РУКОН

Оперативный зал Регионального управления по контролю за оборотом наркотиков (РУКОН). Пространство, залитое холодным светом люминесцентных ламп, заставлено мониторами, на которых мигают карты города, схемы связей, потоки данных. Воздух гудит от низкого гудка серверов и приглушенных разговоров.

Здесь, в самом сердце борьбы с наркоугрозой, работали два неожиданных агента.

Алина Тугодумова, бывшая умница и тихоня выпуска, теперь старший аналитик. Ее острый, структурированный ум, который когда-то решал сложнейшие задачи по физике, теперь раскладывал по полочкам преступные схемы. Она видела хорошее там, где другие видели хаос. Ее стол был идеально чистым, на экране – сложнейшая схема финансовых транзакций.

Милана Богданова, всегда была душой компании, ее харизма и умение находить подход к любому человеку нашли неожиданное применение. Она была мастером агентурной работы и легенд. Она могла быть кем угодно – уставшей мамашей, гламурной стервой, студенткой-активисткой. Ее стол был завален папками с отчетами, кипой сменных SIM-карт и париками.

Ими руководила **Виктория.** Она стояла перед ними, опираясь на стойку с главной картой города.

– Новые данные, – ее голос был резок, без предисловий. – «Кагарицин» не просто расползается по городу. Он мутирует. Поступают сообщения о новых, непредсказуемых побочных эффектах – приступах паранойи, вспышках немотивированной агрессии. Это не стабильный продукт. Это русская рулетка.

Она ткнула пальцем в две фотографии на доске. Старые, школьные, с последнего звонка.

– Пеленев и Восютченков. Наши основные подозреваемые. Но они стали призраками. Их не видно, но их продукт везде. Они научились прятаться.

– Мы копаем, Вика, – Милана откинулась на спинку кресла, вращая в руках кипу фальшивых визиток. – Их финансы уходят в песок. Офшоры, крипта, обналичка через ларьки. Классика, но сделано грамотно. Нужно вскрывать цепочку на земле. Мне нужен доступ к их низовым дилерам.

– Я уже работаю над этим, – подключилась Алина, не отрываясь от монитора. – Я отслеживаю все задержания, связанные с «Кагарицином», по всему региону. Ищу совпадения, общих фигурантов, точки пересечения. Есть три ключевых имени, которые всплывают с пугающей регулярностью. Они – вероятные региональные дистрибьюторы. – Она вывела на общий экран три фотографии угрюмых мужчин. – Но это шестерки. Рыбы. Нам нужен кто-то выше.

Виктория кивнула, ее взгляд скользнул по фотографиям их общих одноклассников.

– Самое опасное в этом деле – личная вовлеченность. Мы их знаем. Мозг будет искать оправдания, будет слепить. Забудьте их имена. Пеленев – это цель «Алхимик». Восютченков – цель «Гром». Они не наши друзья. Они источники заразы, которую мы должны прижечь.

Раздался тихий стук в дверь. Вошел молодой оперативник с папкой в руках.

– Капитан, вчерашнее дело. Задержали курьера с партией «химии». Но что-то новенькое. – Он положил на стол пакет. В нем лежало несколько маленьких целлофановых пакетиков. Но внутри был не привычный порошок, а несколько крошечных, тончайших, почти прозрачных кристаллов, переливающихся всеми цветами радуги. На пакетиках было вытиснено странное клеймо: стилизованное зеркало.

Все трое женщин замерли.

– Что это? – спросила Милана, приглядываясь.

– Курьер твердит, что это не «Кагарицин». Говорит, это элитный товар, «Зазеркалье». В десятки раз дороже. И распространяется через каких-то арт-дилеров.

Алина быстро застучала по клавиатуре.

– Ничего нет в базе. Ни анализа, ни аналогов. Совершенно новый продукт.

Виктория сжала кулаки.

– Идеально. Пока мы бьемся с одной гидрой, у нее вырастает вторая голова. Неизвестный игрок. Более изощренный, более опасный.

Она посмотрела на Алину и Милану.

– Тугодумова, ты идешь по кристальной линии. Вся информация о «Зазеркалье» – твоя. Копай арт-галереи, закрытые клубы, все, что связано с богемой.

Богданова, твоя задача – выйти на дистрибьюторов «Кагарицина». Используй все свои легенды. Я даю тебе карт-бланш на проведение низовых операций.

Они молча кивнули. Школьные подруги, объединенные теперь не общей юностью, общей миссией. Но в глазах у каждой читалась тяжелая правда: они охотятся на тех, с кем когда-то делили парту.

Когда Виктория ушла, в оперативном зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным гулом техники. Алина и Милана переглянулись.

– «Зазеркалье»… – тихо произнесла Алина. – Звучит как что-то из старой сказки. Страшной сказки.

– Зато «Кагарицин» звучит как диагноз, – хмуро ответила Милана, уже листая папку с фотографиями подозреваемых дилеров. – И лечить его придется очень горькими лекарствами. Поехали на дело, подруга?

Они были больше не просто одноклассницами. Они были одним целым, как щит. И щит этот приходилось опускать на головы тех, кого они когда-то знали. Игра становилась все более опасной, и ставки в ней были уже не карьерные, а жизненные.

ГЛАВА 6: КОРПОРАЦИЯ ZUSCO. ТОВАР – «ЧЕРНЫЙ ЗУС»

Изумительно просторный, выполненный в стиле хай-тек кабинет на верхнем этаже стеклянной башни с логотипом «ZusCo». Панорамные окна открывают вид на весь город, как на шахматную доску. Здесь тихо, пахнет дорогим кожаным креслом и свежесваренным кофе. Абсолютная легальность и успех.

За огромным минималистичным столом сидит **Александр Зусенко.** Он больше не тот спорщик с последнего звонка. Он – воплощение успеха. Дорогой, идеально сидящий костюм, холодные, глаза человека, который привык покупать и продавать всё, включая людей. Его скептицизм превратился в цинизм, а острый ум – в лезвие бритвы.

Перед ним на столе лежит не папка с документами, а тонкий планшет, на котором отображаются схемы, никак не связанные с официальной деятельностью ZusCo (строительство, IT-разработка, логистика).

Его собеседник – **Ничков Александр,** чиновник. Саня выглядит напряженным, он нервно поправляет галстук. Эта встреча – не для протокола.

– Я не понимаю, Саш, зачем тебе всё это? – тихо говорит Саня, указывая на дверь, как будто ожидая, что ворвется полиция. – У тебя же всё есть. Контракты, состояние, влияние…

– Влияние? – Зусенко усмехается беззвучно. Он проводит пальцем по планшету, и на экране возникают графики поставок. – Это, Саня, и есть влияние. Твое влияние – это бумажки, подписи, визы. Слабое, зыбкое. Его можно оспорить, отозвать, перекрыть. А мое… – он делает паузу, его взгляд становится стальным, – мое влияние – это зависимость. Самая крепкая в мире связь. Когда от твоего продукта зависит благополучие, настроение или просто возможность прожить день тысяч людей… вот это – настоящая власть.

Официально ZusCo – процветающий конгломерат. Неофициально – это идеально отлаженная машина по производству и распространению самого популярного «легального» наркотика на рынке – **«Черного Зуса»**.

– «Кагарицин» – это грязный продукт гаражного изготовления, – с презрением говорит Зусенко. – Он непредсказуем. Дёшев. Для быдла. «Зазеркалье» Дрянова – это психоделический баловство для снобов. А мой «Черный Зус»… – он с гордостью смотрит на планшет, – это бренд. Стабильный, предсказуемый, качественный. Вы всегда знаете, какой кайф получите. И он везде.

В этом гениальность схемы Зусенко. «Черный Зус» распространяется не через уличных дилеров, а через сеть легальных точек ZusCo:

Грузчики на складах компании развозят его вместе с обычными грузами.

Курьеры службы доставки ZusCo разносят его в коробках с пиццей или электроникой.

Водители корпоративного автопарка – идеальные курьеры.

Даже некоторые фитнес-тренеры в корпоративных спортзалах ZusCo продают его как «особую предтренировочную добавку» для избранных клиентов.

Его бизнес практически невидим для правоохранителей, потому что он растворен в легальной деятельности огромной корпорации. А его связи в верхах (которые он обеспечивает тем же «Черным Зусом» или банальными взятками) гарантируют, что любые проверки заранее обречены.

Саня смотрит в окно на город. Он понимает, что его старый одноклассник построил не просто бизнес. Он построил государство в государстве. И это государство было могущественнее, чем то, в котором работал он сам.

– И что ты собираешься делать? – почти шепотом спрашивает Саня.

– Что делает цивилизация с дикарями? – риторически спрашивает Зусенко. – Она их ассимилирует или уничтожает. Они не поддаются ассимиляции. Значит… – он многозначительно разводит руками.

В дверь постучали. Вошла секретарша.

– Господин Зусенко, вас беспокоит вице-мэр по экономическим вопросам.

Зусенко смотрит на Сашу.

– Видишь? Дела. Легальные. – Он встает, поправляя пиджак. Его лицо снова становится лицом успешного бизнесмена. – Подумай, Саня. Ты можешь быть тем, кто ставит печати на чужих бумагах. Или тем, кто эти бумаги пишет. Мой офис всегда открыт для старых друзей.

Саня Ничков выходил из одной из сияющих башен ZusCo, чувствуя себя грязным и ничтожным. Рядом с авантюристами Егором и Сергеем и безумцем Дряновым появился новый игрок – холодный, расчетливый корпоративный вурдалак. Его друг детства. Война за город только что перешла на качественно новый уровень. Это была уже не война пауков в банке. Это была война старого мира, который олицетворяла Виктория с ее отделом, с новым миром – миром ZusCo, где преступление было упаковано в целлофан с логотипом и продавалось как инновационный продукт. И самый страшный наркотик, который продавал Зусенко, назывался «Безнаказанность».

ГЛАВА 7:
АРТ-ИЛЬЯ

Заброшенный зеркальный цех. Но теперь он преобразился. Пыльные станки сдвинуты к стенам, освободив пространство, похожее на логово сумасшедшего художника-концептуалиста. Повсюду – не холсты, а листы стекла и зеркал разного размера. На некоторых – причудливые, пугающие рисунки, сделанные не краской, а едкими химикатами, оставляющими матовые, полупрозрачные следы. Воздух пахнет не только химией, но и скипидаром, и лаком.

Илья Дрянов стоял спиной ко входу, в задумчивости рассматривая свой последний «эскиз». На огромном зеркале химическим вытравливанием был изображен кошмарный, искаженный клоун, чья ухмылка состояла из сотен крошечных, кривых букв «К». Это был портрет-предупреждение. Послание Егора и Сергея, пропущенное через призму его безумия.

Он научился «рисовать».

Это не было хобби. Это была эволюция. После убийства его курьера что-то щелкнуло в сознании Ильи. Он понял: чтобы вести войну, нужно говорить на языке противника, но переводить его на свой, более изощренный. Они оставили примитивный граффити. Он ответит им высоким искусством террора.

Его учителем стал… его же товар. «Зазеркалье». Илья начал экспериментировать на себе, погружаясь в измененные состояния сознания, чтобы «увидеть» те образы, которые должны были вселять ужас. Он открыл, что смеси для травления стекла, которые он использовал в производстве, могли стать его инструментом.

Его «мастерская» была одновременно лабораторией и храмом:

Химическое травление: Он создавал сложные составы, которые проедали стекло, оставляя не просто линии, а сложные полутона и текстуры. Его «красками» были кислоты, щелочи, реактивы.

Свет и проекции: Он использовал проекторы, чтобы отбрасывать на зеркала изображения, которые потом обводил химическими «чернилами».

Коллажи из отражений: Он разбивал зеркала и собирал из осколков новые работы, где каждая часть отражала и искажала другую, создавая лабиринты из безумия.

Его картины были не просто изображениями. Они были психоделическими ловушками. Смотреть на них было опасно – запутанные, искажающие реальность образы могли вызвать тревогу и панику даже у трезвого человека.

В цех вошла **Алина Тугодумова. (Да та самая из РУКОН)** Она остановилась на пороге, завороженная и напуганная открывшимся зрелищем. Она была его единственной связью с внешним миром, его галеристом и продюсером в одном лице.

– Илья… что это? – ее голос прозвучал шепотом, потерявшимся в этом лесу стекла и безумия.

– Это язык, Алина, – ответил он, не оборачиваясь. Его голос был спокоен и ясен, что пугало больше всего. – Они кричат на языке грязи и крови. А мы будем вести с ними диалог на языке света и тени. Посмотри. – Он указал на зеркало с клоуном. – Это их душа. Вывернутая наизнанку и показанная им же. Это больно. Это правда.

– Клиенты ждут новую партию «Зазеркалья», – напомнила Алина, с трудом отрывая взгляд от пугающего изображения. – Они платят огромные деньги не за искусство, Илья.

– Они платят за истину, – поправил он ее. – А это и есть истина в ее чистейшем виде. Скоро они это увидят.

Он подошел к столу и взял небольшое зеркало в простой деревянной раме. На нем он тем же методом вытравил логотип «Кагарицина» – букву «К», но она была составлена из извивающихся, испытывающих боль червей.

– Первое послание, – прошептал он. – Его нужно доставить на склад Пеленева и Восютченкова. Не вскрывая. Пусть найдут его там, где его быть не должно. Пусть увидят свое отражение.

Алина молча взяла зеркало. Ее пальцы слегка дрожали. Она понимала, что Илья окончательно ускользнул из реальности. Но она также понимала силу его безумия. Это был их козырь. Их страшное, уникальное оружие.

– Они не поймут, Илья. Они увидят только… картинку.

– Сначала не поймут, – согласился он. – Но потом почувствуют. Искусство не говорит с разумом, Алина. Оно говорит с страхом глубоко внутри. Оно шепчет прямо в душу. И этот шепот будет звучать в них громче любого крика.

Алина ушла, унося с собой послание. Илья Дрянов остался один в своей студии кошмаров. Он подошел к самому большому зеркалу, покрытому сложным, незаконченным рисунком – картой города, но искаженной, как в кривом зеркале. Он провел пальцем по линиям, оставляемым химикатами.

Он больше не был наркобароном. Он был художником, а весь город – его холстом. И его главным произведением должен был стать ужас. Не хаотичный, а выверенный, красивый и всепоглощающий. Война превратилась в перформанс, а он – в его режиссера и главного художника-постановщика. И первая сцена уже началась.

ГЛАВА 8:
СИМБИОЗ

Смотровая площадка недостроенного небоскреба на окраине города. Ветер гуляет меж бетонных плит и свистит в арматуре. Отсюда, как на ладони, видны и сияющие башни центра, где правит ZusCo, и темные промышленные районы, где царит хаос Ильи Дрянова.

Двое мужчин стоят у самого края, не глядя друг на друга. Их разделяют не только метры бетона, но и целые вселенные мировоззрений.

Александр Зусенко в дорогом пальто, его руки в перчатках, сжаты за спиной. Он смотрит на город как на балансовый отчет.

Илья Дрянов в потертой куртке, его пальцы испачканы химикатами. Он видит в огнях мегаполиса гигантский холст, испорченный безвкусными граффити.

Первым нарушает молчание Зусенко, его голос ровный, без эмоций.

– Твой «бренд», Дрянов, интересен. Нишевый. Элитарный. Но твои методы… дикарские. Ты привлекаешь внимание. Ты – вспышка магния в темной комнате. Ярко, но слепит всех, включая тебя самого.

Илья поворачивает к нему голову, в его глазах мерцает осколок безумия.

– Твой «Черный Зус» – это пластиковый хлеб для пластиковых людей. Он не оставляет следов. Ни в памяти, ни в душе. Мое искусство… мое «Зазеркалье»… выжигает следы.

– Следы ведут прямиком в твой цех, – парирует Зусенко. – Ты воюешь с Пеленевым и Восютченковым, как средневековый рыцарь, вызывая их на турнир. Они не рыцари. Они тараканы. Тараканов давят тапком, не глядя на их гербы.

– И ты предлагаешь стать этим тапком? – Илья усмехается.

– Я предлагаю стать экосистемой, – поправляет Зусенко. – В которой для тараканов нет места. Ты создаешь спрос у элиты. Я обеспечиваю бесперебойные, невидимые поставки. Моя логистика, моя защита, мои каналы. Твое… творчество.

Он делает паузу, давая словам проникнуть в сознание Ильи.

– Ты хочешь творить? Твори. Я обеспечу тебе покой и материалы. Забудь о курьерах, о деньгах, о войне с уличным отребьем. Я решу эти вопросы. Ты же хочешь, чтобы твои «послания» доходили до адресатов? Мои люди доставят твое зеркало прямиком в спальню к Пеленеву. Не на склад. В спальню. Пока он спит.

В глазах Ильи вспыхивает интерес. Не к деньгам, а к перспективе. Зусенко бьет точно в цель. Он предлагает ему не партнерство, а инструменты для масштабирования его безумия.

– А что ты получишь? – спрашивает Илья. – Кроме доли в моем «нишевом» бизнесе?

– Порядок, – просто отвечает Зусенко. – Я уничтожу «Кагарицин» не потому, что он мне мешает. А потому, что он – дурной тон. Он портит рынок, привлекает излишнее внимание правоохранителей. Твой продукт… он сложнее. Он для тех, кто платит больше и молчит громче. А главное… – Зусенко впервые поворачивается к Илье лицом, и в его холодных глазах видна сталь, – твое искусство пугает. А страх – отличный инструмент управления. Я буду продавать стабильность. А ты будешь сеять страх среди тех, кто может эту стабильность нарушить. Мы разделим сферы влияния. Я – реальный мир. Ты – мир иррационального. Идеальное партнерство.

Илья Дрянов медленно выдыхает. Он смотрит на город, на огни, которые теперь кажутся ему пикселями на огромном экране. Зусенко предлагал ему пульт управления.

– Холст, – тихо говорит Илья.

– Что?

– Ты говоришь об экосистеме. Я говорю о холсте. Ты обеспечиваешь мне холст. Самый большой в мире. А я нарисую на нем такой ужас, такую красоту, что они все… они все увидят свое настоящее отражение.

На его лице появляется редкая, почти детская улыбка.

– Хорошо, корпорация. Давай создадим шедевр.

Он протягивает руку. Руку, испачканную химикатами. Зусенко, после секундной паузы, снимает перчатку и пожимает ее. Рука бизнесмена – холодная и сухая. Рука художника – горячая и шершавая.

Сделка заключена.

Ветер на смотровой площадке усилился, завывая в такт рожденному альянсу. Два самых разных зла города скрепили свой договор рукопожатием над спящими улицами. Теперь у хаоса появилась логистика, а у циничного расчета – орудие психологического террора. Илья получил свободу творить, не отвлекаясь на быт. Зусенко получил идеальное оружие для устранения конкурентов и контроля над элитой. Они больше не конкуренты. Они – симбиоз. И первым, что исчезнет с улиц в рамках их договора, должен был стать «Кагарицин». Война входила в новую, самую страшную фазу – фазу системного, управляемого и арт-оформленного хаоса.

ГЛАВА 9:
БОЕВЫЕ ПИДОРАСЫ

Ночной заброшенный автопарк. Ржавые остовы автобусов и грузовиков, разбитые бетонные плиты. Лужи от недавнего дождя отражают вспышки выстрелов. Воздух густой, пропахший порохом, озоном и гарью.

Все началось с засады. Андрей и его люди приехали сорвать сделку по «Кагарицину», чтобы ослабить ребят и показать, кто теперь устанавливает правила. Но Егор и Сергей, уже параноидально опасающиеся всего, приехали с усиленной охраной.

Теперь автопарк превратился в ад.

Со стороны Андрея: выверенные, экономные очереди. Стрельба прикрытия, перебежки от укрытия к укрытию. Армейская выучка, помноженная на криминальный опыт. **Андрей** сам лежал за капотом старого «ЗиЛа», его лицо было спокойно, лишь губы плотно сжаты. Он отдавал команды жестами – коротко, ясно.

Со стороны Егора и Сереги: яростный, почти панический огонь на подавление. Они отстреливались из-за бетонных блоков, их голоса были хриплыми от адреналина и ярости. **Сергей,** с разбитой в драке губой, орал что-то нечленораздельное, выпуская всю обойму в сторону вспышек. **Егор,** бледный как полотно, пытался стрелять прицельно, но его руки дрожали.

Матвей "Мотт" и **Коля** были здесь же. Мотт, как тень, перемещался по периметру, его выстрелы раздавались редко, но каждый раз заставляли противника залечь. Он не стрелял чтобы убить – он стрелял, чтобы обездвижить, лишить противника позиции. Коля, могучий и неповоротливый, прикрывал фланг, его мощный револьвер грохотал, как молот.

Пуля, выпущенная одним из людей Егора, рикошетом отскочила от металла и свистнула в сантиметре от головы Андрея. В тот же миг прицельная очередь из автомата Андрея прошила колеса внедорожника, за которым прятались Егор и Сергей. Автомобиль с грохотом осел.

Наступила внезапная, зыбкая пауза. Слышалось только тяжелое дыхание, шипение пробитого радиатора и стоны одного из раненых людей Сергея.

– Кончайте патроны, герои? – крикнул Андрей, его голос гулко разнесся по автопарку.

– Сам кончай, ублюдок! – прохрипел Сергей, пытаясь сменить магазин дрожащими руками.

В этот момент из-за угла дальнего ангара выкатилась и разбилась о землю стеклянная колба с дымящейся жидкостью. Через секунду по автопарку поползло едкое облако желтоватого дыма. Он не был ядовитым, но вызывал резь в глазах и неконтролируемый кашель.

Все застыли в недоумении. Это была не их работа.

Из рации Андрея раздался спокойный голос Мотта:

– Отход. Это не наши. И не их. Похоже, на охоту вышла третья сторона. Арт или ZusCo. Используют нас, чтобы добить ослабевших.

Андрей понял. Они все были пешками в чужой игре.

– Егор! Сергей! – крикнул он, уже без злобы, с холодной констатацией факта. – Вы слышали? Пока мы тут цапаемся, нас уже окружили шакалы и ждут, когда мы перегрызем друг другу глотки!

Из-за укрытия доносилось тяжелое дыхание. Потом тихо, сквозь кашель, прозвучал голос Егора:

– …Что ты предлагаешь?

– Перемирие, – четко сказал Андрей. – На одну ночь. Чтобы разобраться, кто это был, и вытащить своих раненых. А там… посмотрим.

Минуту длилась тишина, нарушаемая лишь кашлем и далеким воем сирен – кто-то все же вызвал полицию.

– Ладно… – наконец сдавленно сказал Сергей. – Перемирие… Баста.

Медленно, недоверчиво, обе стороны начали выходить из-за укрытий. Андрей и Егор встретились взглядами посреди автопарка, залитого лунным светом и окутанного ядовитым дымом. Они не протянули друг другу руки. Они просто стояли и смотрели. Два врага, которые только что поняли, что стали мишенями для кого-то более хитроумного и опасного.

– Этот дым… это почерк Дрянова, – тихо сказал Мотт, подойдя к Андрею. – Он начинает активные действия.

– Значит, у нас появился общий враг, – также тихо ответил Егор, перевязывая окровавленную руку Сергея своим же разорванным рукавом.

Сирены приближались. Две группы, еще несколько минут назад старавшиеся убить друг друга, теперь по-братски, молча, помогали своим раненым и отступали на разные стороны автопарка. Никаких рукопожатий, никаких договоров. Было лишь молчаливое, тяжелое понимание. Их война за территорию и барыши только что закончилась. Начиналась другая война – за выживание против общего, куда более изощренного противника. Игла компаса их вражды дрогнула и повернулась в новом направлении. Теперь им предстояло решить – продолжать резать глотки друг другу или, скрепя сердце, стать временными, очень хрупкими и очень опасными союзниками.

ГЛАВА 10:
КРОВАВАЯ
ПИНОКОЛАДА
Пока мы не умрем, не уйдем…

Предыдущее перемирие оказалось хрупким, как стекло. Объединившиеся было против общего врага банды Андрея и дуэт Егор и Сергей снова схлестнулись. Причина – дележ предполагаемого «наследства» Дрянова после первой стычки. Недоверие и старые обиды вспыхнули с новой силой.

Теперь место битвы – гигантский цех заброшенного мясокомбината. Картина сюрреалистичная и адская:

Со стороны Андрея: Его люди, используя выучку, заняли позиции на расчлененных конвейерах. Стрельба точная, экономная. **Андрей** и **Мотт**, пригнувшись за стальной колонной, координируют действия. **Коля**, раненный в плечо, отстреливается из крупнокалиберного пистолета, его выстрелы глохнут в гулком пространстве.

Со стороны Егора и Сереги: Их люди, более многочисленные, но хуже обученные, засели в бывших холодильных камерах. **Сергей,** с перевязанной головой, ведет бешеный, но беспорядочный огонь. **Егор** пытается командовать, но его голос срывается от ярости и бессилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.